День печати, так или иначе, касается большинства граждан нашей страны, потому что с утра каждый ждет новостей. Этот информационный спрос удовлетворяет пресса. Являясь воспитателем и организатором, она формирует общественное мнение. В современной истории это качество делает прессу мощным инструментом воздействия на умы и сердца людей.
В этой связи журналисты и их добровольные помощники – внештатные авторы поднимают из прошлого образы кристальной нравственной чистоты, доблести и отваги. Краевед Вера Александровна Романова в 2014 году запомнилась читателям своими искренними публикациями о ветеранах Великой Отечественной войны. Ко дню российской прессы мы сочли уместным напечатать ее новую находку - мемуары Каюма Джамалетдиновича Надеева из Татарской Свербеевки, которому путевку в жизнь дала районная газета.

Воспоминания К.Д.Надеева заключаются в семи тетрадях. С юношеских лет он мечтал написать о событиях, происходящих в родном селе Татарская Свербейка, о своих родителях и земляках, простых земледельцах, о коллективизации. Затем грянула Великая Отечественная война, он был участником с первого до последнего дня. В своих воспоминаниях он описал события довоенных, военных и послевоенных лет, а также имена и судьбы людей, которых довелось знать. Записи начал делать очень давно, а завершил их под конец жизни. Представляем их на суд его родственников и читателей.

Надеев (Биккулов) Каюм Джамалетдинович, татарин, уроженец села Татарская Свербейка Лямбирского района. « Я родился в марте 1917 года. Месяц Рамазан в том году совпал с уборкой урожая. Мой отец- Джамалетдин Абдульмянович Надеев. Моя мать -Бядри Жамяль Мусейафа Кызы Аитова из с.Черемишева (Таласлау). На поле брали и меня с люлькой, которая вешалась на треногу, накинутая ситцевым покрывалом. Смотрела за мной Хакимя-апа, ей было тогда 10 лет.
Я уже ходил в школу. Помогал убирать скотный двор, носил корм скоту, чистил снег и рубил хворостину для топки, но всегда находил время покататься с горки на санках. Летом в мои обязанности уже входило пасти гусей и теленка. Незаметно я окончил школу, в нашем селе была только начальная. Братья уезжали вместе с отцом на извоз.

Пришло и мое время на подряд по прокладке железнодорожной ветки на известковый завод в Коворов. В мои обязанности входило гнать лошадей с загруженным в колымаги грунтом от карьера до насыпи. Называлась эта должность «погонщик». Я водил четырех лошадей — две свои и две чужие. Платили мне 15 рублей из общей кассы. Прибыл с «чугунки» и поступил в пятый класс, организованный в нашем селе. Приходит учитель и говорит: «Будешь учиться в ШКМ - школе колхозной молодежи в волостном центре Лямбирь». Летом работал в колхозе учетчиком бригады.

Редактор бригадной стенгазеты колхоза «Волжская коммуна» в Татарской Свербейке Бригадир умел писать только арабскими буквами, поэтому всей писаниной занимался я. Видимо, по этой же причине на собрании меня избрали редактором стенной газеты бригады. Тогда очень популярны были боевые листки, стенгазеты и живгазеты. В номерах газеты заметки: конюх Сафа, конюх Колом Батеряков. Лошадь, из породы рысаков, привел ее в колхоз в год коллективизации Антоулла Альбеков. Председатель колхоза Абдулла Алькаев, по прозвищу Тамыр. Председатель совета (он же секретарь партячейки) Ипкаев. Для меня он был непререкаемым авторитетом и политическим руководителем. В первые годы коллективизации он был уполномоченным райкома партии по организации колхозов в 1930—1931 годах, в 1935—1937 годах работал инструктором Лямбирского РК ВКП(б), в 1937 году был арестован. МТФ (молочно-товарная ферма) и ее заведующий Азифулла Богатов. Инят Юнусов, учетчик второй полеводческой бригады, тоже был редактором стенгазеты, учился на рабфаке в Саранске, а во время каникул работал в колхозе. Доярка Бянатота (ее внучка Светлана замужем за Башидом Базевым). Бригадир Садыкбаев. Мои помощники стенкоры. Итак, газета выходила каждую неделю.
Работая учетчиком (подсчитывал трудодни, заносил их в передовые книжки и лицевые счета) и выполняя общественное поручение — обязанности редактора бригадной стенгазеты, я писал много заметок и для стенгазеты политотдела МТС «За большевистские колхозы», редактором которой был Нигматуллин. Диктовал по телефону массовику сводки о работе бригады по прополке, сенокошению, силосованию и другие интересующие их материалы. Я отправлял треугольники почти каждый день, в основном о достижениях бригад, звеньев МТФ и вообще о делах нашего села. Но в газету попадало очень мало моих заметок. Газета была небольшая, двухполосная, форматом А3. В политотдел входили почти все колхозы района, обслуживающие МТС, и, конечно, на ее страницах освещались дела и других колхозов. Кроме редактора в штате редакции была еще должность массовика (литсотрудника). Они вдвоем собирали материалы, редактировали их и выпускали газету. Массовик все время был в разъездах по организации материалов, часто бывал в нашем колхозе, и я с ним подружился. Чаще всего сводки и заметки для газеты принимали дежурные политотдела. Так, незаметно я втянулся в работу сельского корреспондента мелкого масштаба. Селькор, положительные статьи были подписаны моей настоящей фамилией. Каждый месяц я получал по почте гонорары — 15—20 рублей.
В колхозе частыми гостями были начальник политотдела МТС, редактор газеты, помощник начальника политотдела по комсомолу. У них была единственная легковая машина в районе, производства Горьковского автозавода. В то время даже у секретаря райкома ВКП(б) не было машины. Когда они приехали в колхоз и зашли в бригадный домик, то увидели стенную газету, ознакомились с ее содержанием и оформлением.

Видимо, газета им понравилась, и они изъявили желание увидеть ее редактора.
Когда меня привезли на машине в правление колхоза, там меня ждали начальник политотдела и редактор газеты «За большевистские колхозы». Расспросили о делах бригады, о передовиках, а, главное, о стенгазете: сколько раз в месяц я ее выпускаю, где храню архив, кто мне помогает. Во время уборки я выпускал лист почти каждый день на специальном бланке краевой газеты «Колхозче», изготовленном типографским способом.
Я извлек целую пачку газет из шкафа и положил ее на стол. Они просмотрели почти каждый экземпляр и сделали ряд замечаний по содержанию заметок, указали на орфографические ошибки и на неточности в языке. В конце концов сделали вывод, что газета заслуживает внимания как по содержанию, так и по оформлению, и решили: собирайся на слет.

Краевой слет
редакторов стенных газет в Самаре
Тут же оформили командировочное удостоверение от правления колхоза и выдали из колхозной кассы 60 рублей на дорогу. Через три дня отец отвез меня на станцию в город Саранск, купил мне билет, и я уехал на слет. До этого я в Самаре не бывал ни разу, хотя мне было уже 17 лет. Мне казалось, что Самара — самый большой город на Волге — театры, многоэтажные жилые дома, широкие мощеные улицы и парки — все приводило в восторг. Этот город был краевым центром Средне-Волжского края. Мордовская АССР тогда входила в состав этого края, который объединял кроме нее еще Ульяновскую, Пензенскую и Самарскую области.
Слет проходил в здании драматического театра. Доклад о задачах стенной печати сделал редактор краевой газеты «Волжская коммуна». Были выступления участников слета. Потом была организована работа по секциям. Нашу татарскую секцию возглавлял редактор газеты «Колхозче», выходящей на татарском языке, Любаракшин (Любар — так он подписывал газету). В течение этих дней нас учили, как писать заметки, на что обращать внимание, как отражать на страницах газет вопросы сохранения социалистической собственности, борьбы с рвачами и лодырями и, конечно, чаще показывать передовиков колхозных полей, и, если имеется возможность, размещать их фотографии. Товарищ Любаракшин сделал разбор и хвалил нашу «редакцию». Редактором оказался очень грамотный парень. Он работал учителем татарского языка и литературы в Пензенской области, хорошо рисовал и оформил газету красиво и грамотно.
На заключительном заседании подвели итоги работы съезда, выступали руководители секций и секретарь крайкома ВКП(б). Потом награждали участников слета. Каждому вручали чемодан с набором письменных принадлежностей, необходимых для работы редактора. В чемодане были перочинный ножик, набор цветных карандашей, резинки, краски (гуашь), ручки, плакатные перья, блокноты, бумага, конверты, бланки боевых листков и — конверт с деньгами (70 рублей), железнодорожный билет на обратный путь.
Домой я ехал в приподнятом настроении. Главное, я выложил на стол деньги — целых 110 рублей — и отдал матери, стал хвастаться своим чемоданом и его содержимым. На следующий день началась моя работа в бригаде, я ходил со своим чемоданом и всем его показывал. Были, конечно, и злопыхатели, вроде учетчика второй бригады, который

требовал, чтобы я поделился содержимым чемодана.

Я стал студентом

Закончив в июне школу колхозной молодежи, я все лето проработал учетчиком колхозной бригады. В середине августа я подал документы на Саранский рабфак и был вызван на вступительные экзамены. Экзамены я сдал и был зачислен на рабфак и на подготовительный курс института. Я стал студентом.

Началась учеба, нас разместили в общежитии. Вместо кроватей — сплошные нары из досок. Постели студентов состояли из того, что они привезли с собой. В столовой давали жиденький суп да кусочек хлеба. В Лямбирском интернате при школе колхозной молодежи нас кормили сытно и вкусно. Жили мы в комнатах по 5-6 человек. Каждый спал на отдельной кровати, вечерами готовили уроки, читали, чувствовали себя свободно, тесноты не было. А здесь даже столов не хватало, чтобы приготовить уроки. Такая обстановка меня не устраивала, но надо было учиться, тем более на подготовительном курсе педагогического института. Занимались мы во вторую смену.

Утром на следующий день я вышел погулять по городу и встретил ребят, окончивших в прошлом году нашу школу колхозной молодежи и уже работавших. Они рассказали, что едут в Уфу учиться в техникум, где замечательные условия — хорошая стипендия, благоустроенное общежитие и т. д., и т. п. — и сагитировали меня ехать вместе с ними. Долго не раздумывая, я в тот же день собрал свои пожитки и подался на большак, где меня подобрали возчики зерна на элеватор.

Массовик газеты

Дома я получил взбучку от брата Вяли, отца и матери, которые потребовали завтра же вернуться на место учебы и не думать о далекой Уфе: «Из Саранска всегда можно приехать домой за хлебом, в выходные дни попариться в бане, заменить белье, а в Уфе кто тебе будет помогать, обстирывать и штопать твои дырявые носки?» С большим трудом меня убедили вернуться. Утром мы пошли в правление колхоза, чтобы договориться с возчиками о поездке в город, но оказалось, что они уже уехали. Пока в город никто не собирался, я слонялся около правления и вдруг подъехала машина с начальником политотдела МТС и редактором. Нигматуллин подозвал меня и спросил, почему я здесь, а не в городе на занятиях. Я рассказал о случившемся и виновато отводил глаза, чтобы не встречаться с ним взглядами. А он радостно воскликнул: «Вот и хорошо! Я тебе предлагаю должность массовика газеты «За большевистские колхозы». Если хочешь, прямо сегодня мы захватим тебя с собой. Село Лямбирь тебе знакомо, подыщешь подходящую квартиру. Зарплата у тебя 100 рублей плюс пуд муки, 20 килограммов крупы, 2 килограмма сахара в месяц». Обрадованный, я побежал домой. Собрал кое-что в дорогу, и меня увезли в Лямбирь. Так я стал сотрудником газеты, жил самостоятельно, изредка обращаясь к матери за советом.

Продолжение следует...